

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

4

Мы, критики, мало следим за работой друг друга. Широкий разговор обычно начинается после какого-нибудь ЧП, в том случае, например, когда несколько собратьев по перу, достаточно разных по своим пристрастиям, вдруг поднимают общий «стрелецкий бунт», ратуя за понимание народности, лежащее где-то неподалеку от «народного представления» о царе, о лешем, о таскании жен за волосы», которое так беспощадно высмеял в свое время Ленин. Бурное оживление вызывает также попытки перевернуть карту дореволюционной русской и советской поэзии или прозы и прочие, нередко смелые, но весьма мало оправданные эксперименты.

Ну, а как быть, если критик, литературовед не «экспериментирует», легковесным бунтарством не занимается, а стоит, как и положено, на переднем крае идейной борьбы, осуществляя на деле наступательные операции против чуждой идеологии, выполняя святой долг деятелей советской культуры?

Хорошо еще, если у него найдется время и возможность собрать в книгу свои статьи и выступления на советских и международных научных сессиях и форумах. Тогда работа его, пожалуй, получит оценку в печати. Ну, а если возможности почему-либо не оказывается? Не стоит ли, ломая традицию, почаще говорить о хорошей работе наших критиков? Тем более о такой, которая на виду у всех — и в Советском Союзе, и за рубежом.

Б. Рюрикова в сороковые и пятидесятые годы мы знали прежде всего как превосходного исследователя русской демократической и марксистской мысли. В наследии революционных демократов он всегда поднимал самое главное — то зерно «абсолютной истины», которое вырывает при бескомпромиссном решении самых существенных вопросов своего времени. Большое место было уделено в работах Б. Рюрикова ленинскому учению о партийности литературы и статьям Ленина о Толстом. С этого «плацдарма» Б. Рюриков подходил в те годы к проблемам развития советской зарубежной литературы и философии. С этого же «плацдарма» он в своих работах последних

лет ведет большой разговор по вопросам литературы, философии, социологии и с советским читателем, и с собеседниками, находящимися за рубежами нашей страны.

С чего начинается для писателя и литературоведа Советской страны возможность (а скорее — право) вести разговор, в котором участвуют с зарубежной стороны и друзья, не лишены в своих взглядах «загибов» и ошибок, и юные бунтари, чьи головы не справляются с потоком разнородной информации, и, наконец, лицемерно «объективные» специалисты по советской культуре?

Можно, конечно, погарцевать вокруг модных теорий в философии и социологии, помянуть добрым словом нескольких апостолов вневременного и всеобщего гуманизма, вроде Бухмана и Тэйар де Шардена, и успокоиться в сознании того, что и мы, дескать, не лыком шиты. Но действительно серьезный разговор начинается тогда, когда, зная материал, которым оперируют зарубежные участники спора, советский деятель культуры вместе с тем вводит в действие все богатство марксистской и русской демократической мысли. Именно это отличает Б. Рюрикова.

Характерной и редкой в нашей критике чертой работы Б. Рюрикова является также и то, что он в равной мере анализирует в своих статьях и материал советский, и материал зарубежный. Причем — и это также редкая черта — картина жизни зарубежных литератур в его работах лишена го «европеоцентризма», которым грешат многие литературоведы-зарубежники (делая исключения лишь для литературы США). Вьетнам, Латинская Америка, Франция, США, ГДР и ФРГ, Болгария, Япония, молодые страны Черной Африки — художники всех континентов встречаются на страницах работ Б. Рюрикова последних лет. Причем острота спора, убедительность утверждений и достоверность выводов подкреплены еще и тем, что в основе работ лежит не только книга, но и жизнь — непосредственное личное общение с теми людьми и странами, о которых идет речь.

И еще одна ценная черта: умение отличать самый вопрос, естественно возникающий в сознании непри-

велегированного гражданина той или иной зарубежной страны, от ответа, нередко ошибочного, а то и заведомо лживого, который дают на него писатели, философы, социологи стран капитализма. Так, попытка иных художников или философов «свободного мира» «отменить» все закономерности в структуре, бытии и перспективах развития общества и искусства — это, по справедливому мнению критика, лживое, спекулятивное объяснение, данное в ответ на субъективное самоощущение рядовой личности, деморализованной условиями существования в капиталистическом мире.

В области эстетики Б. Рюриков, естественно, утверждает права и величие реалистического метода в искусстве, дающего «высокое наслаждение познания» мира и человека. Весьма убедительна и та критика догматизма в области эстетики, в который впадают не только «волютари-сты» и вульгаризаторы из

дощик-реалист, бывает в творчестве своем «умнее» и пронзительнее своих взглядов» и даже симпатий. И во многих случаях он говорит о жизни, обществе и людях не только больше, чем думал, но иногда и больше, чем хотел бы. И на конкретном примере романа Джона Квирка, Мориса Уэста, Грэма Грина Б. Рюриков показывает, сколь плодотворно, например, то противоречие между понятием «природы власти» вообще, о котором размышляют эти художники, и конкретными реалистическими образами хищных и жестоких носителей власти, данными в их

романах. Остро и точно раскрывает Б. Рюриков тот реальный трагизм и ту реальную сложность, с какими связан конкретно-исторический вопрос о «власти», возникающей в жизни и литературе развивающихся стран. И не менее убедительно дана в работах критика широкая картина того нового, что проявляется во всей идейно-образной системе литературы социалистических стран Европы.

Да, у реализма, по справедливому мнению Б. Рюрикова, есть «берега». И верный своему умению спорить с тем или иным тезисом «противной стороны» на конкретном материале, он показывает, что понятие «мифа», к которому сводит сущность реализма Гароди, никак не выражает своеобразие великого искусства реализма — Сервантеса и Толстого, Роллана и Горького.

Сложность «слагаемых» исторического развития трактуется этими идеологами как «хаос», необъятность «нового», «перемен» во всех областях жизни, требующих познания, становится у них основой для проповеди агностицизма. И, наконец, самый опасный вывод «философии всей» — единственной «точной опоры» в общественном хаосе провозглашается замкнутая в себе, существующая по законам своего субъективного сознания личность, изолированная от непознаваемого мира.

Несостоятельность, «ничету» современной буржуазной философии Б. Рюриков показывает на анализе самого материала, в сопоставлении ответов с теми вопросами, которые выдвигает жизнь. Тогда с наглядной убедительностью встает и марксистское понимание истинной ценности человека, личности, и обоснованная уверенность в том, что «космос» — мир, существующий на основе опреде-

ленной закономерности, — противостоит субъективистскому понятию «хаоса», что познаваемость мира и умение видеть «абсолютное в относительном» лежат в основе истинного познания, неотделимого от активной помощи движению «понятого времени».

Специальная статья «Человек — одиночество и свобода» посвящена творчеству Альбера Камю, и она еще раз свидетельствует о том, насколько широко ставит Б. Рюриков каждую из затронутых им тем. Речь в этой статье идет не только о творчестве большого французского писателя-экзистенциалиста. Привлекая широкий материал творчества писателей ФРГ, Японии, Франции, Англии, Б. Рюриков показывает, как рождается в литературе капиталистического мира тема одиночества и от-

Карту на «критике»

Е. КНИПОВИЧ

БОРЬБА ИДЕЙ И КРИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

О четкости гражданских позиций, определяющих работу критика, исследователя, его подход к литературным и общественным проблемам, говорится в этой статье.

Сложность «слагаемых» исторического развития трактуется этими идеологами как «хаос», необъятность «нового», «перемен» во всех областях жизни, требующих познания, становится у них основой для проповеди агностицизма. И, наконец, самый опасный вывод «философии всей» — единственной «точной опоры» в общественном хаосе провозглашается замкнутая в себе, существующая по законам своего субъективного сознания личность, изолированная от непознаваемого мира.

Несостоятельность, «ничету» современной буржуазной философии Б. Рюриков показывает на анализе самого материала, в сопоставлении ответов с теми вопросами, которые выдвигает жизнь. Тогда с наглядной убедительностью встает и марксистское понимание истинной ценности человека, личности, и обоснованная уверенность в том, что «космос» — мир, существующий на основе опреде-

чуждения, как возводит это субъективное ощущение личности в «вечный закон» буржуазная философия и как в художественном произведении сквозь теоретическую предвзятость все же прорывается реальная — социальная и историческая — правда.

На первый взгляд может показаться неожиданным, что не только в работах общетеоретического плана, но и в критических статьях, посвященных к тому же преимущественно литературе и философии зарубежных стран, Б. Рюриков вновь и вновь обращается к тем боям, какие Ленин и весь русский марксизм вели в период столыпинской реакции со всеми видами либерального ренегатства. Такой «оборот» спора оправдан целиком. Что делать! Привидения возвращаются. Имена «известных депутатов, известных ренегатов, известных кадетов», о которых Ленин писал в статьях «Еще один поход на демократию» и «О «Вехах», сейчас в почете у некоторых интеллектуалов «свободного мира».

Бердяев — тот незадолго до смерти и совсем «вышел в люди», став одним из вождей религиозного крыла европейского экзистенциализма. Сейчас во Франции даже раздаются голоса, утверждающие, что именно он, Бердяев, — «духовный отец» французской интеллигенции. Не думаю, впрочем, чтобы это мнение разделяла хотя бы малая часть вышеназванной социальной прослойки.

Бердяев, Лев Шестов, Розанов (которого, кстати говоря, Ленин неоднократно поминал в связи с «веховщиной» как реакционера и монархиста, лобызавшего вкуче с Антонием Вольским либеральных ренегатов) — это их философскими и прочими теориями сейчас нам «бьют челом» поклонники из зарубежных стран. Однако нашим «добром» этот дар мы считать не будем, истинную цену ему уже точно определили наши «духовные отцы» во главе с Лениным.

Б. Рюриков вполне прав, вспоминая и о том, против кого в те «баснословные года» были направлены атаки ренегатов. Ведь благодарность царской власти, «которая штыками охраняет нас от ярости народной», сочеталась в статьях «Вех» с отказом от демократических традиций русской общественной мысли, с попыт-

кой расчлнить «наследство» XIX века, дабы искусственно противопоставить одну его часть, по-своему драгоценную, — Чаадаева, Достоевского, другой — революционной, то есть Белинскому, Добролюбову, Чернышевскому.

На переднем крае идеологической борьбы двух миров стоял и прошлогодний доклад Б. Рюрикова на горьковском пленуме — «Традиция А. М. Горького и современная литература». Доклад этот отнюдь не был академическим. Речь в нем шла, в сущности, о примере Горького для современных деятелей культуры, о подвиге Горького — художника, трибуна, бойца. Весь доклад был не только утверждением тех ценностей социалистической культуры, социалистического гуманизма, которые во многом связаны с великими трудами и опытом Горького, — нет, Б. Рюриков с «переднего края» говорил о жизни этих ценностей сегодня: «Творчество Горького обращено к самым напряженным идейным спорам современности. Буржуазно-идеалистическая философия выдвигает абстрактное понятие человека, тащит в туман ответственности — таким способом она выводит человека за пределы общественной борьбы. Абстрактный гуманизм выводит мысль за рамки социальных конфликтов современности. И если некоторые наивные люди ратуют за гуманизм вообще — «без прилагательных», то следует сказать, что такая ответственность была совершенно неприемлемой для Горького. Он твердо знал, с кем, за что, против кого борется. Создатель великоколенных образов-открытий, бросающих свет на новые явления жизни, Горький был весь в историческом движении, а движение это — борьба за и против, утверждение и отрицание, действительное познание и оценки, любовь и ненависть, определенность гражданских позиций. Нам надо чаще вспоминать глубокие слова Ленина: «...история идей есть история смены и, следовательно, борьбы идей».

Эти положения, с большой четкостью выражающие значение «примера Горького» для сегодняшнего дня, сказаны советским деятелем культуры, который сам следует им во всей своей работе.